

ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН

УБИТЬ
МИРОТВОРЦА

ЗВЕЗДАНЬЯ

ОБЪЕДИНЕНИЕ

Дмитрий Михайлович Володихин

Мой приятель Молчун

Серия «Мир Лабиринта», книга 9

Текст предоставлен издательством АСТ
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171227
Дм. Володихин Убить миротворца: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-17-016664-8

Аннотация

«... Ну эта... Ты не бойсь. Сядь, кому говорят. Мужик ты или гайка дырявая! Не убил я никого. И не ограбил. И не хакнул. Просто дал менту в рыло. Пару раз. Ну или чуть больше. Народ тут у нас горячий. Хочешь быть человеком – дай кому-нибудь в рыло. А меня только-только из восьмилетки выперли, работы нет, на отцовой амфибии извозом занимался... Кодла у нас была, девочки клевые, ребята тоже крутые... Короче, мент надо мной при людях измывался, не дал бы я ему в рыло, был бы как чмо опущенное. Ну дал. Точно, менты у нас – дерьмо. ...»

Содержание

Дмитрий Володихин

4

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Дмитрий Володихин

Мой приятель Молчун

2155 год, точная дата не имеет значения.

Терра-2, пригород Нового Кракова.

Иван Данилевич, 17 лет

Ну эта... Короче, я свалил оттуда. А кто бы не свалил? Ты бы не свалил? А? Нет, хороший он мужик, слов нет. Золото, а не мужик. И бабок – хоть зажрись. И круто у него там... Что – круто? Да все круто. Немереного бабла стоит. Только ведь как оттуда не свалить... Прямой кирдык. Ну. Слышь, там прямой кирдык нарисовался. Вотак. Замочат и не заметят, кого замочили. Он там у них – вроде живого мертвеца, они ему чисто кол пристроить хотят. Ну и я вроде как мандавошка на упыре. Ему, значит, кол, и меня, значит, заодно – нохтем р-раз! Поминай как звали. «Отче наш» сказать не успеешь... Но мужик душевный. Все мне как положено

сделал... Что гришь? Кто – они? Ты глухой, что ли? Нет? А, не сказал я. Ну извиняй. Это новые шведы. Планета Вальс. А он кто? Что – кто? Тоже новый швед, понятно. Мне он – кто? А-а... Ну, по-нашему, он мне амиго... Не поймешь? Приятель он мне, кореш, пшиячув... Ты из каковских? Восп¹? Понял. По-женевски я это слово не помню. А ты, значит, по-русски не знаешь... По-вашему, по-английски, вроде фрэнд... Врубился? Нормально. Ты пей давай, чего тебе еще? Виски тебе еще? Эй, парень! Парень, твою мать! Этому – еще виски, а мне еще пива. В смысле, еще два пива. И живей...

Ну эта... Ты, слышь, бабками своими тут не мети. Я угощаю. У меня день такой вышел. Хрусты на кармане, а надраться не с кем... Давай это, не дури. Спрячь. За все плачу.

Ну эта... Месяца не прошло, как я тут торчал, на том же самом месте... не... чуть подальше... у стойки у самой... кой хрен разница... Хрен? По-женевски? По-английски? Этот хрен по-английски будет well... Ну, такой well, вроде когда вы, раздолбаи, упились, и кто-то начал длинно говорить, дошел чисто до середины, а потом забыл, с чего начал, и говорит: «э-э-э well... э-э-э...» То есть ничего этот самый хрен не значит. Раздолбай? То же самое. Ты, слышь, брось. Если чо не понял, значит, не важно. Мне поговорить по душам с кем-то надо. Ты врубаешься? У меня тоска. По вашему – rainy day. Нестояк на все. Пей и слушай. Если только совсем ни рожна не поймешь, тогда спроси. А лучше помалкивай и

¹ Восп – от англ. WASP (White Anglo-Saxon Protestant).

слушай. Пойло дармовое же? Дармовое. Жратва сейчас будет. Тоже дармовая. По-женевски – «халява». Вот и сиди. Короче, я торчал тут месяц назад, и все у меня было полный абзац из шести букв. В смысле маздай. Лыбишься? Вижу, понял. Бабок было столько, что на веревку хорошую не хватит – повеситься. Только-только я, значит, отсидел и на свободу вышел...

Ну эта... Ты не бойсь. Сядь, кому говорят. Мужик ты или гайка дырявая! Не убил я никого. И не ограбил. И не хакнул. Просто дал менту в рыло. Пару раз. Ну или чуть больше. Народ тут у нас горячий. Хочешь быть человеком – дай кому-нибудь в рыло. А меня только-только из восьмилетки выперли, работы нет, на отцовской амфибии извозом занимался... Кодля у нас была, девочки клевые, ребята тоже крутые... Короче, мент надо мной при людях измывался, не дал бы я ему в рыло, был бы как чмо опущенное. Ну дал. Точно, менты у нас – дерьмо. Хуже разве что у афроафриканцев, говорят. Сам я не видел. Так что, говорю, народ у нас тут, на Терре-2, горячий. Заселяли этноизбытками русских, поляков, белорусов, латиносов разных. Коктейль вышел еще тот. Отвертка с атомным приводом. Я вот люблю жрать сало с картошкой, а запивать либо квасом, либо текилой. Текила из местных кактусов такая, что с похмелья глюки одолевают... А квас тут вроде экстази, только жидкий и безвредный, если, конечно, инфаркт не хватит и, опять же, глюки до смерти не замучают... Когда напьюсь, ору: «Еще Польша не сгинела!»

Так мой отец орал, когда напивался. У меня, значит, всяких кровей понамешано... Солдаты у нас хорошие – от русских, сержанты что надо – от хохлов. Старшины, унтера, значит, и прапорщики еще того лучше – от поляков. Офицеры, тоже, говорят, приличные – от латиносов. Генералы – вообще класс, опять же от русских... А вот менты – дерьмо. Ото всех сразу. Кроме спецназа. Но эти – вроде как и не менты... У нас тут, слышь, сплошные вербовочные конторы, нашего брата куда хошь берут. А что? Жизнь тут небогатая, трудная, ко всему мы привычны. Народ форсистый опять же, подраться любим. Я и хотел – завербоваться, поездить, вселенную посмотреть... если не прибудут, понятно. И вернуться... так это... на понтах. Чисто крутой. А попал в тюрьгу. Отец с матерью в участок приходят, такие деловые. Мать мне гонит, типа они копили-копили, хотели как люди на старости лет пожить... А отец грит, мол, ты, придурок, о чем думал, когда кулачем махал?! Я так понял, выкупать меня они не хотят. Был бы дед жив, он бы выкупил... И на старость бы насрал. А эти, значит, хрен на прилавок отвалили... Да, well на прилавок. Ну ладно. Значит, я им, типа, идите вы... Вотак. Разбежались мы. Давай, фрэнд, за родителей примем. Хор-рошо!

Ну эта... Выписали мне год. Как молодому. Понятно, на актиниевый рудник попал. С тяжелой статьей все туда попадают. Только нашего брата не хватает. Еще с других планет шахтеров вербуют. Вольнонаемных. На всю голову долбанутых. И уголовников чужих – тоже. Актиний, он на вес бри-

льянтов. Или типа. Хрен бы мы без него от Женевской федерации отделились тридцать лет назад. Что? В смысле, не отделились бы. На чем-то кораблики должны летать, а это что-то – под нами, под терранцами, и мы его никому не отдадим. Ты... эта... чего бормочешь? Сам вольнягой записался? Ну, ты и есть на всю голову долбанутый. И контракт уже, значит, подмахнул? На сколько? На год? Вроде меня, значит... На кой оно тебе, мужик? Платят – да, платят много. За три месяца отмаксуют так, что на всю жизнь бабла хватит, да еще наследникам останется. Так что платят там как положено... Или родственникам отсылают. В смысле, родственникам жмура. Твоим тоже отошлют, когда подохнешь.

Ну эта... Чего не понял-то ты? Там через полгода один из двух возвращается, через год – один везунчик на три дохляка, через два года выживает один, а дюжину, значит, ногами вперед выносят... А четыре года, считай, порог. Может, случайный инвалид наверх выйдет... один из тысячи. Вотак. Одного человека знаю, который пережил больше. И все. Ты беги, мужик. Про бабки забудь и беги. Не веришь? Дурак, я там год пробыл. На руднике любой сложной технике срок пользования – пятнадцать минут. И каюк. Все металлическое живет несколько месяцев. Все пластиковое – неделю. Все резиновое – минуту. Электрическое не живет вообще. Это ж актиний. Кирка и тачка, вот те и весь инструмент. Люди гниют и разваливаются, вроде игрушек, а врачи все не врубятся никак – от чего. У меня правое легкое на просвет

как кусок дерьма, не лучше. И правый глаз ложку перед носом не углядит, прикинь... Ну, ты как, понял теперь? Тупой. Ты ж восп, зачем тебе бабки, у вас у всех там бабок завалилось... Не у всех? Ну,дохни, раз тупой. Контракт нарушить боишься? Мужик-ик... Вы там точно не такие, как мы. Чо тут сказать? Еще виски этому. Не, не разбавлять. Он на рудник записался. Вольнягой, прикинь. Чо? Дарма от заведения? На помин? Да пошел ты! Плачу за него. Сколько бы не высосал.

Ну эта... Сбил ты меня своей простотой. Год я, короче, отпахал. Повезло. Вышел. Правда, вышел – дерьмо-дерьмом. Весь из себя жидкий, как стул у желудка... Куда меня теперь в армию? Хрена бы с два. Только если на Трансплутон, записаться к новым евреям, они там новых арабов мочат. Или к новым арабам – новых евреев мочить. Самое гнилое место. Народ быстрее зарядов к стрелковому оружию расходуется... Так говорят. Ну вот. Никуда больше, значит, не возьмут. Да и на Трансплутон, может, не возьмут, с такой-то дыхалкой... И на гражданке работы приличной нет. И девки наши, те самые, клевые, все куда-то попропадали, то ли замуж повыскакивали. И форсы на кармане – ровный шиш. Форса это бабки. Баксы по-вашему. Цент бакс бережет... гы-гы... бакс всему голова. На чужой бакс рот не разевай! Понятно, короче. Одно у меня пособие послеитээровское, а его на самый гнилой харч только и хватит. Еще у меня было две недели бесплатной койки от мэрии, такой у нас тут порядок. Ну и благодать в идентификационной карте от заботливых

людей. В подарок... Как это... пониженный индекс профессиональной пригодности... Вотак. Чисто в уборщики сортиров брать такого, еще подумают: доверить ли ведро и швабру? Может, он с ведром и шваброй теракт устроит. Не-ет, дадим-ка ему одну тряпочку. И год испытательного срока... К родителям? Лучше обратно на рудник.

Ну эта... Короче, сижу, торчу в этом кабаке, кисло мне. Пособие свое допиваю. Еще дней на пять его, и давай, приятель, двигай на биржу труда. Ага, давай, фрэнд. Валяй, амиго. Конкретно за тряпочкой. Тут мне на чип приходит письмо... А больно, черт, чип дешевый, старый. Бесплатная государственная модель. Мне его еще в младенчестве вставили, такой тут был порядок. Теперь отменили уже, хошь носи его, хошь нет, а тогда – строго. Ну, больно. Чисто в мозги гвоздем ткнули. И, значит, я браслет наручный врубил... что у вас там? Не у вас, а у нас? Техника отсталая? Ну и пошел ты со своей техникой в задницу! Пошел ты, грю. Семигранную гайку в пятом углу искать, понял? Не понял? Тогда заткнись. Ты припомни, мужик, как наши вашу десантную миротворческую операцию без соли схавали. Двадцать девять лет назад, вот когда. Молчи, короче, пей, не зли меня. Сиди, пей, хавай и молчи. Русские угощают. В смысле, террорусские. Это у меня по карте национальность такая. Короче, врубил я браслет. И сперва не разберу, что за хрень. Ага, well... Перевод с женевского на все госдиалекты Терры-2. Сначала испанский прет, я его плохо знаю. Потом польский пошел. Это

для меня раз плюнуть, отец у меня почти чистый терропо-
ляк, чуть и меня в террополяки не записал, мамаша ему под-
гадила... Но только я и по-польски не врубился от неожидан-
ности. Dlia: Pan J. Danilievic. Это я Данилевич. Письмо. Мор-
гаю на письмо. Перевод на все госдиалекты бывает, только
если какой-то хрен послал тебе какую-то хрень с другой пла-
неты. Нет. Хрен это будет здесь mister, а не well. Здесь хрен –
это пан. Это господин. Это сеньор. Или missis. Смотря кто
послал. Нет, хрень, это не missis и не miss. Молчи. В общем,
потом пошло по-русски.

Ну эта... Типа такое там было: «Привет тебе, тезка. Не хо-
чешь ли посетить старого приятеля? У меня тут скучное жи-
тье, хотя и весьма обеспеченное. Если тебе не позволят де-
ла, я не буду в обиде...» В обиде он не будет, тоже мне болт!
Сам там погибается. А в обиде, вишь, не будет. Тогда я, по-
нятно, не знал, что он там погибается. Это я потом узнал. Ну,
далее: «Может быть, у тебя сложности с деньгами. Твой
ответный вызов по N-связи будет оплачен вне зависимости
от длительности контакта...» Я тут чисто обалдел. Это сколь-
ко ж бабок! Может, мы коданть научимся вещи передавать
по мгновенной связи, а не только информацию. Тоже, бу-
дет, значит, наверно, как щас. Одни будут миллионеры поль-
зоваться. Или типа. Ну и в конце: «Если захочешь со мной
встретиться, я могу оплатить билет на лайнер по маршру-
ту Терра-2 – Вальс, считая сюда пересадку на Нью-Скотлен-
де...» Во как! А еще, оказывается, он может отмаковать баб-

ла за обратный билет, въездную визу с неограниченным сроком действия, страховку, трансфер от места посадки до его дома, «и все время пребывания на Вальсе»... Я чуть рылом в стойку не въехал вместо планеты Вальс. Если, грит, появится желание, все дела тебе, грит, налажу за трое суток после твоего ответа. «Буду рад с тобой поговорить. Иоганн Даниельссон». И все. Никаких соплей. Он вообще мужик такой был, неговорливый. Чисто молчун. Его так и звали: Молчун. Где? Понятно где. На руднике. Он оттуда за два месяца до меня «уволился». Срок ему, значит, вышел. Едва жабрами хлопал. Почки ему резали, кожа со щеки слезла рядом с ухом и с шеи тоже слезла, весь он розовый там. Еще двух пальцев на ноге не хватает, правый глаз мандой накрылся, чисто как у меня... Но это, считай, повезло ему. Поверить не могу, до чего ему повезло. Восемь лет Молчун отгрузил. Восемь лет! Как в лотерею – один шанс на миллион. И не только что жив, а еще не оглох, ослеп только на один глаз, и то не до конца, руки-ноги в наличии, нутро не стухло. Даже хрен стоит. Я точно знаю. Нет, не mister. И не missis. Член. Не понял? Как тебе объяснить-то? Ну, младший брат мужика. Гляди, врубился наконец... Короче, дико повезло Молчуну. Я все гадал: за какую радость ему восемь лет навесили? Верную, считай, смерть. Может, людьми закусывал? Или терроризм? Изошренно кого-то он отымел, что ли? Детей в мелкую стружку пошинковал? У нас тут, на Терре-2, только за одно дают исключительную меру, это если ты, как последний урод, цер-

ковь ограбил, сжег или попа замочил. Все равно какого: православного, католического... Синагога тоже считается, чтоб ты знал. Один хрен. За остальное тебе светит каторга. Четыре года на руднике максимум. Это «высшая мера» называется, а не «исключительная», то есть надежду тебе оставили: может, выживешь... после дождичка в четверг. Молчун выжил. Понятно, я не спросил у него, мол, чего он тут да за что... Там, мужик, слышь, не поспрашиваешь. Там, внизу, свой закон. За лишний вопрос могут и порвать. А начальство, оно разбираться не будет: упал в шахту, одним работягой меньше... выписать квиток на дармовую ходку в крематорий. А сам он молчит, не болтает. Там таких любят, кто не болтает и ни во что не лезет.

Ну эта... Короче, получил я письмо, помозговал маленько, вижу, надо гребсти на Вальс. А как? Тут сплошной облом, а там поглядим, может, зацеплюсь как-то к чему-то. Приятель, вишь, в людях, при бабках... под крыло зовет. Надо думать, кого-то он там не заложил и сидит теперь на откате. Или когда откинулся на рудник, то было за что... и ментам, гляди, не досталось. Вотак. Это я думал. Вышло-то иначе. Так что давай, фрэнд, еще разок. За бабло. Чтоб не переводилось. Погоди, я с тобой виски выпью... Ну, поехали! Какое фуфло это ваше виски...

Ну эта... Вызвал я диспетчерскую по N-связи, говорю, так и так, хочу разговор с Вальсом. Она мне, девка тамошняя, тарифы выдала. У меня аж очко заиграло. Это ж... Это ж...

В общем, ладно. Девке я говорю, ты, мол, эта, давай, мол, за счет тамошнего господина, поняла? Она проверила. Все честь по чести, как положено. Я подумал-подумал и решил приятеля моего из бабок по нахалке не выставлять. Хоть он там какой богатый, а мы, Данилевичи, на халяву жить не приучены и чужое бабло тратить не охотники. Короче, ответил я Молчуну коротко: «Билет закажи на такой-то рейс. Трансфер мне твой нужен как козлу стоматолог, и страховка ровно так же. Все». Я, по правде, знать не знал, что это за хрен такой – трансфер. Разберемся, я подумал. Как-нибудь разберемся с ихним трансфером. Чо ты ржешь? Ты не ржи, ты бухай тихонько, пасть закрывши. А, ты насчет как я с ним познакомился... Обычно познакомился. В забое. Завалило нас. Восемь человек завалило вглухую, двое притом концы отдали. Сидим там, ждем, чего непонятно, спасти таких, как мы, никто не будет. Дешевле новых подвезти. Понятно тебе?

Ну эта... Я сижу тихо, молюсь. Захочет Он меня вызволить – так вызволит, а не захочет – кому нужна такая жизнь! Хрен бы, короче, с ней, с жизнью с распроезтакой. Рядом узкоглазый сидит, вроде китаец, с самой Земли. Тоже тихий такой, молчит, глаза закрыл. Еще там был афроафриканец, этот бубнит-бубнит, все каких-то своих бесов вызывает, мол, помогите. Но хорошо держится, спокойно так. Френч был один, с Марса, этот все плакал, соплями своими захлебывался, помирать, вишь, неохота. Страшно ему. Ну и второй черный, только другой закваски: криком кричит, робу на себе

норовит порвать, о стену головой бьется, чисто артист. Одной вроде расы люди, а какие разные! Но, может, этот не афроафриканец был, а какой-нибудь вшивый афромарсианин или афроевропеец? Типа афроженевец? Слабонервный такой. А восьмой – как раз швед мой, Молчун. Я тогда еще не знал его. Может, видел случайно разок, а может, и нет. Короче, торчим мы там, торчим, кто воет, кто буянит, кто молится. Лампы газовые горят, старые, другие там скоро сдыхают. Эти тоже скоро бы погасли, так что концы отдавать, видно, в темноте пришлось бы. Тут Молчун встает, ни слова не говоря, начинает камни ворочать. Понятно, сначала его обругали, чуть погода обсмеяли. Долбанутый. Чего корячиться – однояко помирать. Молчун ворочает, ему до нас дела нет. Афро... этот самый, буйный, ну орать на него, чисто пес заставлял, пристал как банный лист, не отстает. Молчуну – хоть бы хны. Тогда второй черный встает, первому, значит, – пинка хорошего, а сам тоже валуны тягать принялся. Ну и я к ним. Хотьдохнуть не скучно будет... И китаеза рядом встает. А потом все подтянулись. Пошло дело. Только медленно. Мы, значит, породу отбрасываем, а она, значит, еще сверху, сволочь, сыплется. Два булыжника скинули – три взамен получили. И еще. И опять. И еще, и еще, и еще... Молчун упрямый, тягает и тягает, ровно машина. Трое суток мы тягали с ним, с приятелем моим. Без жратвы, без воды, потом без света. Узкоглазому ступню камнем раздробило, потом уже в больничке тюремной концы отдал. Но выкопались мы.

Слышь ты – выкопались! Вотак. А там уже об нас и думать забыли, в мертвецы записали. Даже из харчевой ведомости вычеркнули, из банной тоже... Ржали, суки: трупам мыться не надо, только раз обмыть... Поди ты! Народ косился на нас, как на нечистую силу. Типа воскресли в аду и дали тягу от-тудова. Мы, понятно, всех на хрен посылали, ну, ты понял, фрэнд. По морде твоей вижу – понял.

Ну эта... Я чисто закорешился с ним. И тут вообще нормальная хрень вышла: он Иоганн Даниэльссон, а я – Данилевич Ян, мы вроде одно и то же. На руднике такая вот мелкая дурь много значит. Там хочешь выжить – цепляйся за все. За земляков, за одежду приличную, за тезок... Тебя-то как звать? Джонни? Джон, значит. И тоже в забой напросился, дубина. Ну, вроде нас с ним. Ян, Иоганн, Джон, один хрен... Три хрена? Три мистера? Нет, мужик, мистера три, а хрен один. Это я тебе потом объясню... Короче, режим там строгий, но тюрьма-то наша, терранская, а у нас умный человек всегда найдет, в какую дырку режим отымет. Где, значит, покалякать можно, где едой приличной на двоих разжиться, один раз чуть было бабешку мы с ним не добыли. Медсестру. Правда, чего-то он смущался. Воспитание не то. Швед, короче, какой-то он новый, не врубаюсь я в его мозги. Ладно. Кой хрен. Вот уволился он, и так мне тоскливо стало, хоть волком вой...

Ну эта... Что я те все про шахты! Ну их к Богу в рай, шахты эти. Ну их в задницу. Короче, пережил я пару дней до

нужного рейса, бабок совсем на донышке, удача ко мне ни с какого угла не прет. В церковь ходил. За родителей свечку поставил, хоть они такие у меня козлы... Святому Пантелеймону тоже свечку поставил. Дед говорил – Пантелеймон от дорожных неприятностей спасает. Отец с матерью у меня католики, дед православный, бабка, его жена, полная безбожница. Другие дед с бабкой на Земле живут, носа к нам не кажут, кто их знает, чего у них там... Я по деду крещен, потому что он в семье верховодил. Мать, говорят, с отцом хотели по-католически, но дед им, мол, не перечьте, на чьи деньги живете! Ну они и того... Понятно, короче. Крестили меня Иваном, Иоанном, стало быть. Отец со зла всю жизнь Яном зовет и в карте так прописал – уже после дедовой смерти. Вотак. Ладно, сел я в лайнер, думаю, вроде как навсегда. Тут ка-ак у меня засвербило! И что мне на Терре на моей, медом намазано? Дерьмом чистейшим тут намазано. А вот... Тоскливо – так просто взять и улететь. Не знал еще, что месяца не пройдет, как вернусь.

Ну эта... Круто он меня обустроил. В смысле – Молчун. В первом классе я! А по правде, я вообще никуда не летал. Только в школе. На Землю, на экскурсию... Но тут – никакого сравнения. Все так шикарно в первом классе, пей, сколько хочешь, хоть залейся, гипносон опять же, а жратва какая! У меня от хорошей жратвы на второй день желудок испортился. Непривычно ему, суке-желудку, подавай ему чо поглубее... А девки в форме! Они вокруг тебя танцуют, чуть толь-

ко в рот не заглядывают, вроде скажи им, мол, заголите сиськи и оближите меня от ушей до пяток, – так заголят и оближут. Но это – вряд ли... Проверять не стал. Ты пойми, фрэнд, я год суходрочкой занимался, бром хавал... Потом одна, случайная, дала разок, да и все тут. А вокруг – такое! Член у меня стоял, как железный гвоздь, чисто звенел от напряжения, прикинь! Хотел одну за задницу ущипнуть, но раздумал. Порядки тут не мои, гляди, полон рот неприятностей схлопочешь... Что? Правильно не ущипнул? Ну, вот видишь... Я там под крутого косил. Весь такой суровый и напонтованный. Типа ничего мне тут нового никто не покажет... Видали! И еще не такое – тоже видали. Прикид, понятно, подводил. Весь я в дешевых терранских тряпках, а рожу корчу – чисто хрен с бугра. Что гришь? Хрен с бугра? Mister-владелец-горы? Нет, мужик, это не мистер-владелец-горы, это мистер-шишка-на-ровном-месте... Что есть шишка? Шишка... это... ну... да так, мелочь нестоящая. Не важно, короче. Весь маршрут с пересадкой – шесть суток универсального времени. И за шесть суток залоснился я, ровно сытый домашний кот, аж шкура от сытости поблескивает.

Ну эта... Прибыли. Не то чтоб лайнер этот куданть на космодром сел или типа. Нет. Прямо с орбиты они меня на шлюпе вниз доставили. Одного. А наверх шлюп и вовсе пустой пошел, никаких пассажиров, хотя штука эта летучая рассчитана человек эдак на сорок. Нормально. Я так подумал, вроде не очень они общительный народ, тут, на Вальсе. Людей

к ним не тянет, и сами они – не охотники визиты визитировать. Вотак. Таможня – просто смертельная. Час целый я один ихнюю таможню проходил. Просвечивали они меня, прозванивали, прощупывали, протрясывали... чисто как тюбик с пастой выдавили и типа сливки взбили до пузырястого состояния. Вотак. Каждую шмоточку мою перебрали по нитке – по волоконцу. Везде надписи по-ихнему, по-шведски, я не пойму ни хрена. Что гришь? По-женевски положено вторую надпись писать? А вот накося тебе вторую надпись! Видал, фрэнд? Вот такая там у них вторая надпись. Ну, типа я уже на взводе, затвор мой передернут, только на курок нажми тихонько – и пальну. Ладно, терплю пока.

Ну эта... В конце самом ждет меня мужик в форме, хмурый такой, смотреть на меня не хочет. Значок на китель у ево приколот, а на значке шведское слово, одно из десяти, про какие мне Молчун рассказал. Это слово «сташун», станция, значит. Понятно, мужик из космодромной obsługi, космодром у них станцией называют, помню. Других у них никаких станций на планете нету, прикинь! Это мне Молчун объяснял. Я, правда, не понял, почему их нету... Ладно. Короче, мужик. Таможенник. Смурной такой, ровно торчок несытый. Глядит на меня исподлобья, глазами мигает. Ему бы давно надо мне на карту электронную метку подсадить, мол, въехал этот хрен с Терры, а он все чухается. Э, опять ты! Что тебе про хрен с Терры, фрэнд, сказать? Хрен как хрен. Потвоему будет типа что-то плохое. Bed thing, усвоил? Короче,

черт этот ищет, к чему б придраться. Может, и нет во мне ничего такого, к чему стоило бы придраться. Ну что я – мужик и мужик, контрабанду не везу, панфиром не болею, заразы он, я так понял, никакой не нашел, зря просвечивал, виза в порядке, все в порядке. Только не любит он меня, скотина. Понял, да? Не любит, и все тут. И запускать меня на свою планету не хочет, хоть бы все и говорило ему, что, типа, какие проблемы? Может, я так подумал, ему все мужики с Терры не по нутру? Может, ему вообще мужики не нравятся, он такой странный? В смысле, долбанутый. Или русских он не уважает? У нас вот, на Терре, арабов не любят, могут посреди улицы прямо в рыло засветить. А почему, не знаю. Говорят, что козлы они, арабы, и хрен его знает, почему они козлы. Еврейскую нацию наши ценят, типа как умную. Они там у нас живут, правда, мало. Афро – ну тоже нормально. О воспах, извини, фрэнд, хорошо не говорят. Ну а что? Хрена ли было нарываться? Миротворцы мочканутые... Ладно. В рыло воспу, конечно, как арабу, не дадут. Ну, тихие вы, когда вас немного. На драку не нарываетесь, махать с вами нет интереса. Ладно, фрэнд, не кипятись. У вас вот, я знаю, наших, терранцев, тоже терпеть не могут. Я ж знаю. И потом, кто вас вообще-то любит? Никто не любит. Скажи, вру я? Молчишь? Вотак. Ладно. В общем, где ни возьми, обязательно желают кому-нибудь голову свернуть. Или типа. И тот, новый швед с таможни, хотел бы мне голову свернуть. Ну, голову не голову, а чтоб я исчез, растворился. Крутил-кру-

тил мою карточку, потом спросил, сколько я валюты к ним привез и какой. По-женевски спросил. Я по-женевски понимаю, ну, так, средне, в школе учил. И тоже ему по-женевски правду открываю: «Четыреста двадцать гривен и пятьдесят сентаво». Он рожу скорчил недоуменную, как бобер веслом ударенный. Вижу, застыл, по чипу своему вызвал, какая такая валюта – гривны и сентаво. Надо думать, давненько тут с Терры-2 никого не было, а может, и никогда. Что терранцам у шведов делать, прикинь? Ага, отмяк. Говорит мне: «Знаете ли вы о том, что на планете Вальс разрешено хождение только местной валюты?» Я не знал, но кивнул. «Ваши деньги, господин Даниилэфч, подлежат принудительному обмену по твердому курсу, установленному банком общины Вальс. Вы не испытываете желания заявить претензии?» И видно, как бы ему хотелось, чтоб я на дыбки встал и права качать принялся... Я – ему, мол, нет, не испытываю. Деваться-то некуда, хрена ли... В космодромном карантине обратного рейса ждать? А вот такого вам! Не за тем я сюда кости свои довез. Тогда эта рожа таможенная бабло мое забирает, а взамен выдает четыре монетки по одной кроне и одну монетку совсем маленькую – одно чего-то там из трех букв, мне Молчун потом сказал, что оно называется «эре». И я гляжу на эту голимую мелочевку, фишки, видно у меня на лоб вылезают, челюсть о прилавок брякает. «Это, – я грю, – что?» А он мне без улыбки, спокойненько так: «На бутылку недорогого спиртного вам хватит. На обратном пути вы имеете

право совершить адекватный обмен за вычетом банковской пошлины в 35%». А потом еще по-тамошнему добавил, как сейчас помню: «Альт-э-дюрт-и-Сверье»². Вот сука! Ну, я думаю, если чо не так с Молчуном, хана мне. Прикинь. Ладно, молчу. Только руки у меня кулаками не сделались только что чудом Господним. Очень уж харя эта пальчики мои к себе приглашала. На профессиональное ощупывание поверхностей. А он все никак не успокоится, все зенками своими меня лапает. Я чувю, быть беде. Тут баба какая-то ихняя к нему подваливает, показывает на меня пальцем и по-своему лопочет не пойми чего. Одно слово я разобрал, и слово это было «Даниэльссон». О! Гляди-ка! У мужика сразу глаза такими стеклянными сделались. Сунул он мою карточку в свою машинку, враз электронную метку впендюрил и мне отдал. Вернее, на свой таможенный прилавок кинул, чтоб ненароком моей кожи не коснуться. Чтоб пока он карточку в пальцах своих держит, а я ее забираю, с меня на него никакие мандавошки не переползли. Вотак.

² «В Швеции все дорого» – любимое выражение современных шведов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.